

★ ВЕЛИЧИЕ РОДИНЫ – В ВАШИХ СЛАВНЫХ ДЕЛАХ ★

СПЕЦНАЗ

ГРУ

Сергей Самаров

НАКАЗАНИЕ
ПО ЗАКОНУ ГОР

Спецназ ГРУ

Сергей Самаров

Наказание по закону гор

«Автор»

2018

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Самаров С. В.

Наказание по закону гор / С. В. Самаров — «Автор»,
2018 — (Спецназ ГРУ)

ISBN 978-5-04-092179-9

Абдул-Азиз – участник Великой Отечественной войны, почетный пенсионер, которого знают далеко за пределами района. А вот его внук Латиф – позор на седины ветерана. Молодой человек съездил в Сирию и вернулся оттуда убежденным экстремистом. Сколотил банду моджахедов и стал грабить и убивать местных жителей. Все попытки деда унять распоясавшегося отпрыска оказались бесполезными. На ликвидацию банды направлен отряд старшего лейтенанта ГРУ Артема Трилукова. Но выследить боевиков в горах оказалось не так-то просто. Тогда спецназовцы поменяли тактику. Они решили взять бандитов в здании сельской администрации, где на чествование ветеранов войны соберутся все жители района...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-092179-9

© Самаров С. В., 2018
© Автор, 2018

Содержание

Глава первая	6
Глава вторая	10
Глава третья	17
Глава четвертая	25
Глава пятая	32
Конец ознакомительного фрагмента.	34

Сергей Васильевич Самаров

Наказание по закону гор

© Самаров С., 2018

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2018

* * *

Глава первая

Старый Ахмадей Набиев всегда был хитрым человеком. Так уж вышло, что он оказался единственным татаринном в большом дагестанском селе, то есть должен был бы считаться здесь чужаком. Но он в молодости женился на здешней уроженке, приехал сюда жить, довольно быстро выучил аварский язык и разговаривал на нем совершенно без акцента.

Теперь, многие годы спустя, почти все односельчане, даже ровесники, забыли про происхождение Ахмадея. Хотя иногда людей, особенно молодых, смущало его имя, не свойственное Дагестану.

Магазин в селе был чем-то вроде клуба. Стоя в очереди, можно было узнать новости, услышать сплетни и рассказать что-то свое, иногда даже наболевшее.

– Магомед, ты когда в Махачкалу собираешься? – спросил Ахмадей высокого и крепко сбитого мужчину, который подрабатывал тем, что возил иногда своих односельчан едва ли не по всей республике.

Грубое лицо Магомеда оживилось. Он почувствовал возможность заработать.

– Послезавтра люди просили свозить. Еще одно место есть. Тебе надо?

– Нет, послезавтра мне будет еще рано, – ответил старик. – Ладно, как приспичит, я тебя найду.

– Только, как и всегда, за три дня предупреждай. Чтобы я успел людей набрать. – Магомед сказал то, что и без того все знали.

Когда он вез полную машину, оплата не делилась на всех. Каждый его пассажир как будто бы ехал один и рассчитывался соответствующим образом.

Да, дорого. Но все равно это было куда удобнее, чем ехать на рейсовом автобусе. И быстрее, и не так пыльно.

– А ехать не боишься? – осведомился Ахмадей и трижды по-старчески, как-то глуповато хихикнул.

Такова уж была его привычка.

– А чего мне бояться? Дорога знакомая, за рулем не первый день.

– Говорят, банда в горах появилась. Машины останавливают, тормошат, вытрясают все, что хорошего найдут.

Сразу несколько человек подключились к разговору. Весть о появлении бандитов в горах, неподалеку от села, была не нова, но всегда вызывала много толков. Ахмадей внимательно слушал людей, желая выловить что-то новое.

– Меня не тронут, – категорично заявил Магомед и для пущей убедительности даже воздвиг рукой рубанул.

– Заговоренный ты, что ли? – спросил кто-то. – Или у тебя машина бронированная?

– У этой банды эмиром Латиф Мухаметдинов.

– Говорят так, но точно никто не знает, – возразил тот же человек.

– Я точно знаю, – сказал Магомед как отрезал. – Мне его дед, старый Абдул-Азиз, привет от Латифа передавал. Я с ним в школе за одной партией сидел, лучшим другом был. А детская дружба – она крепкая. Не тронут мою машину.

Из всех сегодняшних новостей именно эта, конечно же, была самой важной.

Старый Ахмадей не хотел сваливать их в кучу у себя в голове. Его очередь к этому моменту как раз подошла. Дальнейший разговор он не поддержал, купил все то, что ему было нужно, вышел из магазина, осмотрелся с высокого крыльца и заспешил домой.

Там он оставил сумку с продуктами в углу у порога. Потом Ахмадей вытащил из кармана старого грязного ватника, висевшего на гвозде сразу за входной дверью, мобильный телефон,

в память которого был загнан только один-единственный номер. Сначала он проверил баланс, убедился в том, что деньги ему в очередной раз переведены, и только потом нажал кнопку вызова.

Мой аппарат зазвонил, когда я возвращался с завтрака из офицерской столовой. Мне потребовалось время на то, чтобы вытащить его из кармана, упрятанного глубоко под разгрузку и под бронжилет.

Я опасался, что человек, желающий со мной поговорить, сбросит вызов, поэтому поспешил ответить, даже не посмотрел на определитель номера:

– Старший лейтенант Трилуков, слушаю вас.

– Здравствуй, Артем Борисович, – раздался знакомый старческий голос, сильно дребезжащий и вибрирующий на высоких нотах.

После этого старый Ахмадей тут же привычно хихикнул, словно опознавательный знак подал. После этого его ни с кем спутать было невозможно, несмотря на отвратительное качество местной связи.

– Здравствуй, Ахмадей Рустамович! Очень рад тебя услышать.

– Так уж сильно рад? – Старик вроде бы как сомневался в наличии у меня такого вот чувства к нему.

Надо сказать, что он был совершенно прав. Этот субъект мне откровенно не нравился. Я вообще не люблю стукачей, тем более по призванию, по зову сердца. Но мне приходилось сотрудничать с такими типами, иначе был риск вообще без разведданных остаться. Тем более что старый Ахмадей давал, как правило, проверенные сведения и ошибался очень редко. Моя нелюбовь, впрочем, не мешала нашему сотрудничеству.

Старику было все равно, кому и на кого стучать. Мне казалось, что он чувствовал внутреннее удовлетворение, когда был в состоянии доставить кому-то серьезную неприятность. Есть на свете такие персонажи, которые прекрасно себя чувствуют, когда другим становится плохо. Особенно это касалось тех людей, которым он завидовал.

А завидовал старик, по-моему, всем, с кем встречался. Даже бомжам на вокзале в Махачкале, на которых, как мне говорили, он как-то наступал в ментовку.

Более того, я допускал, что он и на меня куда-то постукивал. Например, в ФСБ или в МВД.

Я на него вышел, когда мы помогали спецназу полиции задержать банду вымогателей и взяли около двадцати человек. Но в МВД нас настоятельно просили ни при каких обстоятельствах не трогать одного из них – старого татарина Ахмадея Рустамовича Набиева. По крайней мере сильно не бить.

Тут я должен со всей ответственностью заявить, что спецназ ГРУ тем и отличается от полиции, что вообще не бьет задержанных. Мы, кого следует, просто убиваем.

Но тут попросили. Я прекрасно знал, что это означает, понимал, что старый Ахмадей работал на МВД и сдал банду.

Но тогда обстоятельства сложились так, что вымогатели были тесно связаны по родственным каналам с настоящей террористической бандой, скрывающейся в горах. Мне требовались данные именно на нее. Поэтому я присутствовал на допросах вымогателей.

Каково же было мое удивление, когда они один за другим стали говорить на допросах, что жертв им поставлял именно Набиев. Он подыскивал состоятельных людей, добывал информацию о них, а потом выкладывал все это перед бандитами. Они уже делали свое дело.

При этом самому Ахмадею Рустамовичу выделялись только крохи. Но он продолжал работать. Старик завидовал бандитам, при этом был обижен на них за жадность. Он собирал данные на этих ребят, которые потом передавал в республиканское МВД.

Однажды мне понадобились кое-какие сведения из того же района. Я через своего начальника штаба обратился в МВД Дагестана с просьбой дать мне телефонный номер Набиева. Мне его дали, но весьма неохотно, со множеством вопросов.

Я позвонил, и старик назначил мне свидание ночью на окраине села. Я пришел туда без букета цветов, под прикрытием своего взвода, окружившего место нашей встречи плотным кольцом. Старик выслушал мои вопросы и сказал, что ответит на них при следующей встрече, через день. При этом его дурацкое хихиканье не смолкало. Может быть, именно поэтому мне и показалось, что он готов ответить на все мои вопросы прямо сейчас. Но торопить его я не стал, дал ему время подумать, поскольку ситуация меня не подгоняла.

Об оплате услуг мы договорились сразу. В дополнение к ней старый Ахмадей тут же потребовал от меня привезти на следующую встречу мобильник с номером, зарегистрированным на кого угодно, лишь бы не на него. Кроме того, в мои обязанности входило следить за тем, чтобы на этом телефоне всегда были деньги. Использовать его старик собирался исключительно для связи со мной, не для личных нужд.

Я даже не пытался произвести вербовку. Старик сам причислил себя к агентуре военной разведки. Мне не понадобилось собирать на него компромат, как это обычно бывает. Ахмадей Набиев был заранее готов к тому, что ему придется со мной сотрудничать.

Строго в нужное время и в заранее обговоренном месте я получил те данные, на которые рассчитывал. Проверять их заранее у меня не было ни возможности, ни необходимости, поскольку это были сведения оперативного характера. Они запросто могли устареть за какой-нибудь час.

Но дело я не откладывал даже на час, сразу двинул свой взвод в горы. Хотя время было ночное, а горы в темноте ни для кого подарком не бывают.

Реальность подтвердила стопроцентную точность сведений, полученных от хихикающего стукача. Они были детальными, вплоть до количества патронов в банде, которая меня интересовала.

Ограничения в запасе патронов диктуют любому подразделению особую тактику ведения боя. Я это знал и мог заранее учитывать такой момент именно благодаря стараниям стукача. Например, бандиты, с которыми мне придется иметь дело, не в состоянии будут вести заградительный огонь. Они смогут бить лишь по хорошо видимым целям одиночными выстрелами и короткими очередями.

Старый Ахмадей Набиев имел только неполное среднее образование, полученное в деревенской школе под Астраханью. Но он отлично знал, что может понадобиться подразделению Российской армии, а что – следственным органам. Я думаю, что этот субъект продолжал работать на них с тем же воодушевлением и ненавистью к людям, окружающим его. Он выдавал информацию адресно, продуманно.

Я в тот раз даже отметил работу стукача в своем рапорте. Поэтому, вероятно, когда закончилась моя командировка на Северный Кавказ, командование попросило меня завещать своего осведомителя сменному взводу. Я передал данные на Ахмадея Набиева молоденькому лейтенанту, попросил его сильно старика не обижать, не показывать слишком уж откровенно своего безразличного отношения к нему. Сам я по крайней мере обычно старался так и держаться, а в следующую командировку снова стал работать со старым Ахмадеем Рустамовичем.

И вот он позвонил сам и передал мне информацию, которой мы не располагали и, честно говоря, весьма нуждались в ней.

Из ежедневных сводок МВД республики, которые регулярно приходили на электронный почтовый адрес сводного отряда спецназа ГРУ, действующего на Северном Кавказе, нам было известно о появлении банды в том районе. Но что она собой представляла и какому именно ведомству предстояло работать с ней, мы пока не знали.

Это могли быть простые молодые парни из соседних сел, откопавшие где-то в огородах отцовские автоматы и время от времени выезжающие на рыбалку. Именно так подобные типы обычно говорят дома, хотя порой вызывают ревность жен, потому что забывают взять с собой удочки. На дороге они останавливают машины, грабят их, время от времени убивают каких-то людей, особо недовольных ими, хоть как-то попытавшихся оказать сопротивление. Надо сказать, что редкий представитель любого из кавказских народов не сделает этого, когда его грабят.

В этом случае таких вот абреков должно разыскивать следственное управление МВД. Или, если смертей было достаточное количество, – следственный комитет. Если это банда с религиозным уклоном и политическими лозунгами, то дело автоматически попадает в ведение ФСБ. Здесь возможно привлечение спецназа ГРУ для проведения боевых операций. Если же банда пришла из-за границы, имеет солидный опыт боев в Ираке, Сирии или в Афганистане, то, как правило, сбор данных о ней и ее уничтожение целиком ложится на плечи спецназа военной разведки. На наши то есть.

Мы часто не дожидаемся решения антитеррористического комитета республики о том, кому будет поручено уничтожение той или иной конкретной банды, и начинаем действовать сами, поскольку понимаем, что впоследствии это дело все равно попадет к нам. Лучше пресечь преступления этих негодяев в самом начале, когда еще мало людей пострадали от их рук, чем допустить какой-то кровавый беспредел. Но мы действуем не на свой страх и риск, лезем в драку только после основательной подготовки, опираясь на данные, полученные самыми разными способами.

К нашему великому сожалению, сводный отряд спецназа ГРУ не располагает собственным парком беспилотных летательных аппаратов. Но смежники, как мы зовем соответствующие службы ФСБ и МВД, помогают нам в свободное от собственных тягот и забот время. У каждой из этих структур имеется свой собственный парк беспилотников. Иногда мы получаем информацию напрямую из Москвы, из космического управления ГРУ, чьи спутники бывают способны заменить целые системы получения информации оперативного характера в ФСБ и МВД. Тогда и беспилотники становятся не нужны. Хотя чаще всего задания мы получаем из антитеррористического комитета вместе с соответствующими данными.

Тем не менее звонок такого опытного стукача, как старый Ахмадей Набиев, в состоянии поднять по тревоге взвод и даже целую роту, если есть такая необходимость.

Глава вторая

Приближался праздник, каждый год отмечаемый в селе и во всем районе. День Героя.

Фронтовиков во всем большом селе осталось только четверо. Троим скоро должно было исполниться сто лет, а один уже отметил этот юбилей. Все они имели такие награды, которые нисколько не стыдно было показать людям.

Абдул-Азиз Мухаметдинов в этот торжественный день всегда надевал старую фронтовую гимнастерку. Ему казалось, что она до сих пор хранила в себе запах фронтового пота и даже крови. Сам он был дважды ранен в войну. Именно в этой гимнастерке.

Когда советские войска вошли в Польшу, пуля немецкого снайпера пробила его плечо. Потом осколок мины попал в грудь. Это приключилось уже в Германии, незадолго до полной победы над врагом. Абдул-Азиз встретил весть о капитуляции гитлеровской Германии на госпитальной койке.

Сейчас, спустя много десятков лет, раны уже перестали донимать его, хотя после войны долго еще давали о себе знать острой болью. Но обе они были не самыми тяжелыми, хотя и требовали хирургической операции.

А свою гимнастерку, пробитую в двух местах, старый фронтовик хранил как память. Даже заплатки на нее он нашивал сам, отстирав кровь, пропитавшую ткань. Абдул-Азиз тогда был еще молод, не женат. Долго было ждать, когда он вернется домой и доверит гимнастерку для починки матери.

Вернулся он и правда не скоро. После Германии полк был переброшен в Маньчжурию, где Абдул-Азиз участвовал в боях с японской Квантунской армией. Только через полгода после капитуляции Японии он был демобилизован в звании младшего лейтенанта, до которого дослужился из простых рядовых, проведя на фронтах долгих три с половиной года. Домой Абдул-Азиз приехал все в той же гимнастерке, увешанной орденами и медалями. Через восемь месяцев он женился.

В тот самый день вернулся в село друг его детства Амин-Султан Муслимов. Он оказался настоящим героем, гордо носил на груди орден Ленина и Золотую Звезду.

Когда до свадебного стола донеслась весть о возвращении Амин-Султана, жених с невестой пошли к нему в гости, чтобы позвать на свое торжество. Благо тот жил недалеко, на соседней улице.

Этот неофициальный праздник районного масштаба, который приближался, был именно днем чествования Амин-Султана Муслимова, годовщиной присвоения ему звания Героя Советского Союза. В селе он так и звался – День Героя.

По традиции, устоявшейся за много десятков лет, этот праздник отмечался в актовом зале здания районной администрации. Туда приглашали всех фронтовиков. Раньше их было много. Сейчас в селе остались только четверо, во всем районе – полтора десятка. Но тем больше им достается почета и уважения. Всем, а особенно виновнику торжества, дарят подарки, всех благодарят за ратные подвиги и с уважением пожимают каждому руку.

Таких праздников в течение года бывает только два – День Победы и годовщина присвоения Амин-Султану звания Героя Советского Союза. Девятого мая его обычно вызывают в Махачкалу для участия в различных мероприятиях. За Амин-Султаном присылают машину, увозят в столицу республики, потом еще пару дней катают по ней, показывают людям как гордость всего Дагестана.

Но в другой день он всегда рядом, доступен для односельчан, которые с искренним уважением смотрят на него и на тех людей, которые находятся рядом с ним, увешанные орденами и медалями.

Это хорошо. Старый Амин-Султан Муслимов – единственный Герой Советского Союза на весь район. Воевали многие. Но этого звания удостоен только один. Односельчане имели полное право гордиться своим земляком.

Так же относился к нему и Абдул-Азиз. Он не понял бы того человека, который за что-то осудил бы его друга детства, сказал бы о нем хоть одно плохое слово.

За несколько дней до праздника из Москвы приехал Шабкат, старший внук Абдул-Азиза, причем не один. Шабкат работал на одном из центральных телеканалов, хотел снять, как он говорил, фильм о герое, чтобы молодым парням из Дагестана было кем гордиться и на кого равняться. А то среди русского населения России всех поголовно представителей Кавказа принято считать бандитами и преступниками.

Внук вместе со своими коллегами остановился, естественно, у деда, не пожелал осчастливить своим присутствием гостиницу, расположенную недалеко от свалки и впитавшую в себя не самые деликатные запахи. Но съемочная группа не стеснила Абдул-Азиза, который все последние годы жил один. Он похоронил жену, двух сыновей и трех дочерей.

Шабкат предупредил о своем приезде звонком на мобильник, который сам же деду и подарил в свой прошлый приезд. Он попросил разрешения приехать со съемочной группой и рассказал, что они желают снять фильм о герое. Внук даже посоветовался с Абдул-Азизом насчет того, что стоит спросить у Амин-Султана и о чем тот разговаривать не захочет.

Шабкат вообще был вежливым, воспитанным и предупредительным человеком. Он уважительно относился к старшим и никак не походил на Латифа, второго внука, непутевого и всегда попадающего во всякие неприятные истории.

Да и шестеро внушек старого Абдул-Азиза характером и поведением больше были похожи на Шабката, чем на Латифа. Все они давно повыходили замуж, обзавелись собственными детьми, часто звонили дедушке, а иногда и привозили к нему правнуков. При этом матери просили, чтобы Абдул-Азиз встретил их в своей знаменитой гимнастерке с орденами и медалями. Старик всегда соглашался на это, потому что своего боевого прошлого ему стыдиться было нечего.

Сейчас вокруг села возникла какая-то напряженность. В воздухе словно повисла тревога и звенела, не переставая, как туго натянутая струна.

Так уж случилось, что две недели назад объявился Латиф. Он позвонил деду на домашний телефон, номер которого, как ни странно, еще помнил. Сам дед этим аппаратом давно не пользовался. Он всегда носил с собой мобильник, подаренный ему старшим внуком Шабкатом.

Почти четыре года о младшем внуке не было слышно ровным счетом ничего. Он уехал в Москву, там, по слухам, связался с не самыми лучшими людьми, вел разгульный образ жизни, ни в чем не желал себе отказывать и какими-то путями добывал для себя средства к существованию.

Все это закончилось тем, что Латифу пришлось уехать из Москвы и спрятаться в родном селе, в доме у деда. Он появился там ночью, тайком, когда люди спали.

В те дни к старику несколько раз заглядывал участковый и интересовался Латифом. Мол, нет ли каких вестей от внука? Он уходил недовольный, потому что старый ветеран войны не хотел быть предателем.

Если бы к нему обратился посторонний, совершенно незнакомый человек и попросил спрятать, то старик сделал бы это. Он не стал бы спрашивать, почему тот скрывается, за что его преследуют. Это был закон гор в действии.

А тут родной внук! Даже если он и совершил что-то противозаконное, то сам решит, как ему себя вести.

Тогда Латиф прожил у деда больше месяца. Он выходил из подвала только ночью, не зажигая в доме свет, но долго так жить, понятно, не мог. В молодые годы душа всегда требует действия.

Латиф уехал в Махачкалу. Шабкат с ним однажды там встречался. Он остался недоволен этим разговором, но деду ничего рассказывать не стал, на его вопросы отвечал уклончиво, не сообщал ничего конкретного.

Спустя еще год Латиф сам позвонил АбдулАзизу из Саудовской Аравии. Он сказал деду, что стал совсем другим человеком, взялся за ум, учиться в исламском университете в Эр-Рияде.

Старый Абдул-Азиз имел сложные отношения с верой. Он же был когда-то членом КПСС, то есть почти атеистом. Самым главным в этом понятии было слово «почти». Ведь ислам был религией его предков, которых ветеран войны всегда уважал и чтил.

Потом КПСС приказала долго жить, не стало и самого Советского Союза. После этого многие люди, особенно почему-то молодые, вдруг сделались рьяно верующими. А вот ветеран войны сильного рвения в этом плане не проявил. Он всегда отличался тем, что собственные ощущения не выставлял наружу, предпочитал держать их в себе и лишь изредка что-то высказывал.

Мухаметдинов считал, что именно так и должен вести себя настоящий мужчина. Он сам всегда не только чувствовал себя таким, но и был.

Абдул-Азиз был твердо убежден в том, что основополагающим принципом веры является сама жизнь человека. Важно не то, как он молится Всевышнему. Главное – каков он в действительности. Честный и добрый, верный и отважный или подлый трус, предатель, завистливый и ненадежный тип.

Да, вера во многом делает людей. А если она является частью древней традиции, то и та тоже становится причастна к воспитанию человека. Но никакая традиция не предусматривает внесение страха в свою и в чужую жизнь.

Страх пришел в село через несколько дней после звонка Латифа деду. Тогда внук поинтересовался, как живет его друг детства Магомед Камалов, встречается ли иногда с дедом? Абдул-Азиз рассказал, что Магомед давно уже стал степенным человеком, женился, построил дом, завел уже одиннадцать детей. Работы в селе нет. Магомед живет тем, что возит на своей машине односельчан, кому куда требуется. Чаще всего в Махачкалу.

Латиф попросил деда передать Магомеду большущий привет.

Потом он произнес ту самую фразу, которая отчего-то очень не понравилась старику:

– Пусть продолжает ездить спокойно. Его на дороге никто не тронет.

Тогда Абдул-Азиз не понял смысла этой фразы, но она сразу же вызвала у него какое-то смутное беспокойство. Оно резко усилилось двумя днями позже, когда на дороге неподалеку от села, на спуске с последнего перевала, была расстреляна машина капитана полиции, местного участкового. Именно он когда-то, еще будучи только лейтенантом, приходил в дом АбдулАзиза и расспрашивал его о младшем внуке. Вообще-то, у ментов всегда есть враги. Стражи порядка давно уже стали называться полицией вместо милиции, тем не менее в народе сохранили прежнее прозвище. Это неспроста.

Не было бы ничего странного в том, что машину участкового кто-то расстрелял, если бы не чрезвычайная жестокость этого преступления. Капитан ехал вместе с женой и четырьмя детьми. Все они были добиты автоматными очередями, выпущенными в грудь, в упор.

У старого Абдул-Азиза было свое представление о мужественности и чести. Он прошел через всю Польшу и значительную часть Германии, потом побывал на войне с Японией и ни разу не позволил себе выстрелить ни в женщину, ни тем более в ребенка. Когда фронтовик узнал о трагическом происшествии на горной дороге, он почувствовал себя плохо. Словно что-то подозревал.

Уже на следующий день случилось второе нападение, на этот раз на машину, которая везла продукты в сельский магазин. Она, как и это торговое заведение, принадлежала местному жителю Ниязу Рамазанову. С ним ехали два грузчика, молодые сильные парни.

Их всех изрешетили пулями. Но Рамазанов после многочисленных ранений умудрился каким-то образом прожить еще целые сутки. Менты допрашивали его в вертолете, который увозил Нияза в Махачкалу, в больницу.

Абдул-Азизу о результатах допроса никто не докладывал, ничего ему менты, разумеется, не сказали. Он узнал дурные новости утром следующего дня. Ему сообщили их женщины в магазине, пока ждали привоза хлеба из пекарни, расположенной здесь же, в селе. Они говорили, будто владелец магазина опознал главаря бандитов. Это был Латиф Мухаметдинов, которого Нияз помнил еще с детства. Рамазанов умер чуть позже, уже в Махачкале, во время операции по извлечению пуль из его тела.

– Латиф сейчас живет в Саудовской Аравии. Он учится там на имама, – попытался оправдать младшего внука ветеран войны. – Я сам его столько лет не видел, что не скажу, смогу ли узнать. А тут Нияз, да еще и смертельно раненный!..

Нияз Рамазанов был двумя годами старше Латифа. В школе он слыл не самым примерным учеником. Все сельчане в один голос говорили, что растет молодой бандит, который достойно сменит своего отца. Тот к тому времени уже несколько лет как сгинул где-то на лесоповале в Сибири. Он отбывал там свой четвертый срок заключения.

Латиф несколько раз дрался со старшим и куда более сильным Ниязом. Он просто не желал ни в чем уступать ни ему, ни кому-либо другому. Дед помнил это. Он не забыл, как после нескольких драк Латиф хвастался, что Нияз стал его побаиваться. Тем не менее младший внук старика и потом несколько раз приходил домой избитым. У Нияза были верные дружки.

Но ни дед, ни отец Латифа в эти дела не ввязывались. Их внук и сын обязан был самостоятельно решать свои проблемы. Иначе мальчик никогда не станет настоящим мужчиной.

Все эти воспоминания о детстве младшего внука не смогли убрать беспокойства из мыслей старого Абдул-Азиза. Да, Латиф звонил ему, но не сказал, где находится, в Саудовской Аравии или в Дагестане. Только пообещал, что скоро они увидятся.

Абдул-Азиз, конечно, этому обрадовался. Все-таки Латиф был ему не чужим человеком. Но с того дня уже прошло две недели. На горных дорогах были убиты уже больше десяти человек. Некоторых местных жителей бандиты просто ограбили. Но эти люди не были знакомы с Латифом и не могли ничего про него сказать.

Зато слова внука, адресованные Магомеду Камалову, были переданы тому. Магомед обрадовался, кажется, не столько сообщению о том, что бандиты его не тронут. Куда больше его осчастливил сам факт того, что Латиф о нем помнил. Это значило, что Магомед был надежным другом и верным человеком. Но встречался он с внуком или нет, ветеран войны не знал.

Члены телевизионной съемочной группы спали в своих комнатах. Абдул-Азиз в это время чистил свои боевые награды, старался придать им первоначальный праздничный блеск. Рядом с ним на кухне сидел старший внук Шабкат и пил чай.

Медали лучше всего блестели после обработки их пастой ГОИ. Ветеран признавал только один ее вид, первый номер, предназначенный для тонкой полировки. Сама паста была почти черного цвета с зеленым отливом. Медали после ее воздействия особенно ярко блестели и на солнце, и под электрическим светом. Эту процедуру Абдул-Азиз повторял регулярно, дважды в год, перед каждым из праздников, в которых принимал обязательное участие.

Мысли ветерана, как это часто случалось в последние дни, вертелись вокруг младшего внука. О старшем особо раздумывать не стоило. У него все было хорошо. Кроме того, он сидел здесь же, на кухне старого дома, построенного еще отцом самого Абдул-Азиза. Шабкат всегда помнил о деде, да и тот его тоже никогда не забывал.

Они часто созванивались, разговаривали о разных делах. Не говорили только о здоровье. Старик считал, что жаловаться на него, тратить на это время – удел женщин. Он считал, что для настоящего мужчины такие разговоры являются недостойными. Так дед и внука воспитал.

Когда Шабкат там, в своей Москве, лежал в больнице, он из палаты позвонил деду. Абдул-Азиз говорил о многом, но ни разу не поинтересовался здоровьем внука. Более того, он даже не спросил, по какому поводу тот угодил в больницу. Старик только потом услышал от чужих людей, что Шабкат попал в большую автомобильную аварию и хирурги его буквально по частям собрали. Но дед и после этого по данному поводу с внуком не разговаривал. Сделали доктора свое дело, вот и ладно, ну и хорошо. На то они и врачи, чтобы толково исполнять свою работу.

Абдул-Азиз несколько лет ничего не слышал про младшего внука. Но когда тот позвонил, дед точно так же ни разу не поинтересовался его здоровьем. Впрочем, Латиф поступил точно так же.

Это нисколько не обижало старика. Хотя, когда возраст человека подкатывает к сотне лет, тот поневоле начинает думать о смерти.

Но смерть – это вовсе не всегда есть болезнь. Абдул-Азиз был убежден в этом. Он понимал, что люди вечно жить не могут, но к своей неминуемой кончине относился спокойно, надеялся только на то, что умрет дома, а не в больнице.

Мысли о младшем внуке как-то нечаянно для самого старика заставили его задать вопрос старшему:

– Шабкат, тебе Латиф давно не звонил?

Они были двоюродными братьями, их отцы – родными. У кузенов имелись только сестры. Старшие из них уже умерли.

Шабкат на похороны своей сестры в Каспийск приезжал. А вот Латиф – нет. Просто никто не знал, где он находится и как ему сообщить о беде.

Точно так же было, когда покинул этот мир отец Латифа. Это случилось через три недели после смерти старшей сестры. Тогда на похороны сына Абдул-Азиза приехал Шабкат. Он заменил двоюродного брата.

– Нет, дедушка, уже давно от него не было никаких вестей. Он не звонит, хотя знает мой номер. Тот у меня всего один. Это у него часто меняется. Я по старому номеру пытался с полгода назад несколько раз позвонить, но ничего из этого не вышло. Я догадался, что Латиф опять его сменил. Раньше он часто так делал. Новый номер я не знаю. А что это ты про него вспомнил?

– Он мне звонил две недели назад. Сказал, что скоро увидимся. А откуда говорил, я не знаю. Не спросил.

– Мне здесь, в селе, люди уже сообщили, что он где-то в этих горах. Стал эмиром банды, которую предпочитает называть джамаатом. Из-за Латифа меня вызывали однажды в ФСБ. Там еще, в Москве. Около года назад это было. Расспрашивали про Латифа.

– И что ты там сказал?

– А что я мог сказать, дедушка, если давно с ним не виделся? Поинтересовался только, чем вопрос вызван, что брат еще натворил.

– И что они сказали?

– Да разве они скажут! Я потом уже через своих знакомых стал справки наводить. Они по моей просьбе узнали, что Латиф в Сирии. Он командует там какой-то немалой бандой. Она отметилась большой кровью мирных жителей. Поэтому меня и вызывали. Я как раз в командировку готовился. Именно в Сирию хотел съездить. Но меня из-за брата не пустили. Впрочем, я на него не в обиде. А что он здесь, в наших горах, делает?

– Я разве знаю? А на то, что досужие языки молотят, слишком много внимания обращать не следует. Сам, наверное, знаешь, что у всех людей разное отношение друг к другу. Кто-то кому-то друг, кто-то враг. Друг врага – тоже враг. А враг врага может тебе оказаться другом. Или же нет. Это на фронте все понятно было, – сказал Абдул-Азиз, глядя на свои медали. – Вот здесь наш окоп. В нем все свои, несмотря на то как друг к другу относятся, пусть даже кто-то с кем-то недавно ругался. А напротив вырыт немецкий окоп. Там все враги, хотя они

тоже друг к другу по-разному относятся, кто-то кого-то недолюбливает, а кто-то кому-то самый первый друг. А в современной нашей жизни попробуй-ка, разберись, кто тебе враг, кто друг. Человек стоит рядом с тобой, в глаза тебе одно выдает, а зайдет за угол, встретит кого-то и сразу начнет тебя с грязью смешивать. Так же и про Латифа говорят. Одни его добрым словом вспоминают, другие ругают. В одном только люди сходятся. Все благодарны ему за то, что он участкового убил. Если, конечно, Латиф и вправду это сделал. Этот капитан наших сельчан сильно доставал. С магазина мзду брал, с почты, якобы за охрану. Он со всех деньги иметь хотел. Латиф не позволил. Но за жену и детей участкового люди его осуждают. А их, может, и не он убил. Это еще неизвестно. Но самого капитана Латифу приписывают. Словно видел кто. С подробностями рассказывают.

– Да, пустые разговоры слушать не стоит. Иначе в голове все смешается, – спокойно согласился Шабкат.

Он вообще был таким по натуре – спорить не любил, хотя поступал часто по-своему. На словах соглашался, а делал так, как сам хотел. Такая у него была натура. Это тоже не всем нравилось.

Тем не менее Шабкат всегда считался в родных краях успешным человеком, который сумел не оказаться лишним в этой жизни. Более того, он стал даже фигурой публичной, значимой.

Время от времени то один односельчанин, то другой говорили при встрече старому Абдул-Азизу, что видели по телевизору Шабката. Эти слова звучали так, словно это был не его, а их внук. Жители села гордились тем, что среди них вырос такой человек, к мнению которого прислушивается вся страна. Его знают в лицо от западных до восточных границ огромной России.

Абдул-Азиз согласно кивал, но в глубине души не понимал всего этого. Шабкат, по сути-то дела, сам себя сделал. Ему никто не помогал. Мешали, это да, случалось, но он упорно шел к своей цели и достиг ее.

Наверное, таким внуком стоило гордиться. В характере старшего внука было что-то от деда, который тоже любил быть самостоятельным, оставаться самим собой при самых разных обстоятельствах.

Но гордость старшим внуком как-то сама собой принижала младшего, отдаляла его от деда. Абдул-Азиз такого не желал. Для старика успешный Шабкат и непутевый Латиф были одинаковы. В них текла кровь ветерана войны Абдул-Азиза Мухаметдинова. Дед хотел гордиться обоими внуками. Он оставлял за непутевым Латифом возможность когда-то добиться большего, стать известным человеком, которого будут почитать и высоко ценить его односельчане.

– Латиф сказал тебе свой новый номер? – спросил Шабкат.

– Нет. А сам я спросить не успел.

– В памяти должен был номер остаться, – сообразил старший внук.

– Он не знает, что у меня есть мобильник, звонил на домашний телефон.

– Жалко. Я хотел бы с ним поговорить. Если будет звонить, попроси его набрать и мой номер. У меня есть для него интересное деловое предложение. Я не думаю, что он от такого откажется. Скажи ему, что это очень важно.

Тут-то в комнате как по заказу и раздался телефонный звонок.

Старый Абдул-Азиз посмотрел на часы-ходики. Они висели на кухонной стене уже много десятков лет и ни разу не ломались. Когда-то в Советском Союзе делали вещи, которые могли служить людям долго. Это сейчас все намеренно стало хрупким, чтобы народ как можно чаще покупал новые товары.

– Это Латиф. В такое время больше звонить некому. В прошлый раз он тоже связался со мной около часа ночи. Я поговорю, потом тебя позову, – сказал Абдул-Азиз, встал и, сильно

шаркая ногами, которые никак не хотели подниматься, заспешил в комнату, к телефонному аппарату. – Да-да, слушаю тебя, Латиф, – услышал слова деда Шабкат.

Абдул-Азиз с годами стал глуховат. Поэтому он теперь старался говорить громче, чтобы самому себя слышать.

Глава третья

Мой взвод вернулся с задания уже под утро, измученный и уставший в ходе двухсуточной безостановочной операции. Нам приходилось днем и ночью чередовать стрельбу с многочисленными перебежками, с преследованием противника и при этом не забывать о собственной безопасности. Двигаться бойцам следовало крайне осторожно, внимательно посматривая по сторонам, от прикрытия к прикрытию, от камня к камню, от скалы к скале.

В расположение отряда нас доставил транспортный вертолет.

Естественно, после двух суток тяжелых непрерывных боев взвод сразу отправился отдыхать. Я разрешил своим бойцам не подниматься и даже не идти на общий завтрак в столовую. Еще в вертолете, ночью, уже ближе к утру, солдаты подкрепились сухим пайком и без завтрака вполне могли обойтись.

Я и сам на завтрак не пошел, остался в казарме. Но скоро мне позвонил дежурный по штабу и сообщил, что командир отряда срочно вызывает меня к себе в кабинет. Причину он дежурному офицеру не назвал.

Рапорт о проведенной операции я должен был вручить не командиру, а начальнику штаба. Честно скажу, что с написанием этой важнейшей бумаги у меня пока не сложилось. Сперва в вертолете трясло неимоверно, потом меня одолел сон. Но теперь я догадался, что вызов не касается дела, завершено несколько часов назад.

Я поднялся на третий этаж штабного корпуса, постучал в дверь, услышал приглашение и переступил порог кабинета командира сводного отряда спецназа ГРУ подполковника Чеснокова.

- Товарищ подполковник, старший лейтенант Трилуков по вашему приказанию прибыл!
- Ну вот, весь огород собирается, – сказал подполковник.

В кабинете присутствовал еще и майор Помидоров, начальник штаба отряда, человек румяный и круглолицый, полностью соответствующий своей фамилии.

– Только капитана Малинина не хватает, – заметил Помидоров. – Но он сегодня и не нужен. Да его и нет в городке. Рота на операции.

Капитан Малинин командовал одной из двух разведывательных рот, входящих в состав сводного отряда спецназа ГРУ, действующего на Северном Кавказе.

- Зато капитан Редькин сейчас подойдет, – пообещал подполковник.

Помянутый капитан Редькин возглавлял оперативный отдел штаба отряда.

В самом деле, не прошло и минуты, как этот офицер появился.

– Без Малинина наш огород может функционировать, – решил Помидоров. – Я, вообще-то, и не знаю толком, малина – это принадлежность сада или все же огорода. Присядем за стол, обговорим ситуацию.

Перед майором лежала стопка бумаг. Из этого факта я сделал вывод, что ситуацию будет докладывать именно он, начальник штаба.

Так уж издавна повелось в сводном отряде. Его командир занимался операциями, проводимыми двумя разведывательными ротами. Они часто проходили в районах Дагестана, отдаленных от места дислокации, а то и в других республиках Северного Кавказа.

Начальник штаба курировал операции, проводимые отдельными взводами, входящими в состав отряда. Таковых в разное время может быть от двух до пяти.

Еще под его опекой находился авиаотряд, прикрепленный к нам. Он состоял из пяти вертолетов: трех «Ми-28Н» «Ночной охотник», одного «Ми-8АМТШ» с комплектом вооружения от летающего танка «Ми-24» и одного «Ка-52» «Аллигатор». При этом официально авиаотряд подчинялся командиру отряда спецназа, хотя тот обычно просил вертолеты у начальника

штаба. Всегда и везде существуют официальные версии и традиции, которые складываются независимо от штатного расписания. Традиции, как правило, бывают сильнее.

В нашей структуре все знали, что начальником штаба обычно назначается дельный офицер, имеющий боевой опыт и прошедший соответствующую подготовку. А на должность командира отряда иной раз попадают люди, которые готовятся к пенсии. Заботливое командование дает им возможность перед выходом на заслуженный отдых заработать репутацию боевого офицера и получить дополнительные пенсионные льготы.

Так что в некоторых ситуациях бывает трудно разобрать, кто в отряде всем распоряжается. По крайней мере я, командир взвода, привык больше работать именно с начальником штаба.

Несмотря на его совсем не боевую, я бы даже сказал, предельно добродушную внешность, майор Сергей Павлович Помидоров был человеком достаточно жестким и принципиальным. Он умел требовать с подчиненных, но не забывал и заботиться о них, как и полагается хорошему начальнику штаба.

– Слушаем тебя, Сергей Павлович, – сказал подполковник, когда все мы расселись за приставным столом, расположенным перпендикулярно к главному. – Докладывай огороу ситуацию.

Эта шутка командира отряда уже прилично всем надоела. Особенно мне. Я уже несколько раз объяснял подполковнику, что моя фамилия происходит не от названия овоща, растущего в земле, а от строенного изгиба речного русла.

Но подполковнику Чеснокову больше нравилась его версия. Он продолжал гнуть свою линию, не обращал никакого внимания на мои возражения и даже видел в этом собственное понимание юмора. Я званием еще не вышел для споров с ним. Поэтому мне приходилось терпеть все эти его рассуждения на огородные темы и уважать воинскую субординацию.

– Итак, к делу, – многозначительно начал майор Помидоров. – У нас объявилась и стала регулярно отмечаться черными делами банда Лати́фа Мухаметди́нова, бывшего командира довольно крупного соединения, зверствовавшего в Сирии. Оно было почти полностью уничтожено атаками воздушно-космических сил России при наземной поддержке сирийского спецназа «Тигры пустыни». Сам Латиф с выборочным личным составом решил вернуться в Дагестан, в тот самый район, откуда он родом и где до сих пор проживает его дед, заслуженный ветеран войны, фронтовик. Я прошу обратить внимание на мои слова: «выборочный состав». То есть Латиф взял с собой не всех своих бандитов, оставшихся в живых. Он выбрал самых лучших бойцов. Нам неизвестны критерии, которыми он при этом руководствовался. Тем не менее, по данным сирийских спецслужб, в его банду входят только отъявленные головорезы, по которым веревка плачет везде, где бы они ни появились. Это, на мой взгляд, важный момент. Когда людям уже нечего терять, кроме жизни, они будут драться за нее до последнего, покажут себя весьма неуступчивым противником, который умеет и воевать, а не только головы резать мирным жителям.

– А у нас, товарищ майор, другого противника в последнее время и не бывает, – сказал я, желая показать, что меня, как и моих солдат, опытным противником испугать трудно. – Да и раньше бандиты были не лучше. Они всегда понимали, что им грозит в случае захвата, потому сдаваться никогда не любили.

Я при этом слегка лукавил, и все понимали это. Прежде много раз случалось так, что бандиты, сдавшиеся в плен, в скором будущем покидали места заключения по каким-то неведомым нам причинам. После этого они оказывались в новой банде. Тогда нам был отдан устный приказ – пленных не брать!

Об этом знали все, в том числе и местные жители. Поэтому бандиты приобрели у них славу отчаянных парней, не желающих сдаться русским. Все это только потому, что мы не

брали их в плен, сами, собственными действиями, превратили их в героев. И народная молва с большим восторгом разносила эту мысль, что создавало бандитам дополнительную рекламу.

А вот уж с теми негодяями, которые вернулись с Ближнего Востока в родные горы, спецназ ГРУ вообще никогда ни о чем не говорил. Мы их всегда просто уничтожали. Без всякой жалости.

– Соглашусь, – сказал начальник штаба. – И продолжу по существу вопроса. В настоящий момент в родное село эмира приехала съемочная группа одного из центральных телевизионных каналов. Ее возглавляет двоюродный брат Латифа, известный тележурналист Шабкат Мухаметдинов. Он вроде бы надумал снимать сюжет о ежегодном сельском празднике – чествовании Героя Советского Союза, ветерана-фронтовика Амин-Султана Муслимова. Но давайте о журналистах позже. Хотя в голове у меня крутится-вертится мысль о том, не связаны ли как-то их приезд с появлением в районе банды эмира Латифа. Или наоборот. Не связано ли появление банды эмира Латифа с прибытием в село этой самой съемочной группы? Будем об этом думать, разбираться. Нужно как следует обмозговать ситуацию, просчитать все варианты. Я лично вижу здесь возможность устроить ловушку для эмира. Мы имеем шанс заманить его в западню через журналиста. Самого Шабката, естественно, привлекать к этому никак нельзя. Теперь о том, что касается самой банды. Сначала данные о ней появились у МВД. Так, всякие детские шалости, мелочи типа ограблений на дороге. Потом преступления стали серьезнее, с убийствами. Но все равно этим вопросом занимались простые сотрудники следственного отдела МВД, поскольку данных о терроре не было. Позже они у нас появились. Старшему лейтенанту Трилукову позвонил его осведомитель и дал наводку. Артем Борисович, естественно, передал эту информацию мне. Я, в свою очередь, переслал ее в МВД, в ФСБ, да и в антитеррористический комитет тоже. После этого бандой стало плотно интересоваться подразделение антитеррора МВД. Это было вызвано тем, что неподалеку от села, прямо на дороге была расстреляна машина, принадлежавшая местному участковому, капитану полиции, который пытался выследить и поймать Латифа еще тогда, когда тот был не эмиром, а всего лишь преступником. Но впоследствии уголовное дело против него было прекращено за давностью лет. Латиф Мухаметдинов сумел воспользоваться какими-то собственными связями и добыть себе документы на выезд в Саудовскую Аравию, якобы для обучения в исламском университете Эр-Рияда. Кстати, там, на дороге, вместе с участковым была расстреляна его семья – жена и дети. Но никаких данных о том, что это дело рук банды эмира Латифа, у полиции не было. В самом МВД погибший капитан был на хорошем счету, и там, понятное дело, все всполошились. Менты обычно друг за друга горой стоят. А чуть позже, когда бандиты расстреляли машину с хозяином местного магазина и двумя его грузчиками, к расследованию подключились ФСБ и антитеррористический комитет. У них уже появились косвенные данные на авторов расстрела. Только вот достать эмира они никак не могут. Даже не представляют, как это можно сделать. Поэтому, как обычно бывает, наши смежники нашли причину не брать на себя груз ответственности. Они получили от меня информацию, сообщенную осведомителем старшему лейтенанту Трилукову, малость подумали и решили, что задачу по уничтожению банды следует поставить перед нами, поскольку она во многом состоит из иностранцев арабского происхождения. Обещали, кстати, полную информационную поддержку. И вот что уже передали... – Майор выдержал долгую театральную паузу.

– Что передали? – поторопил его подполковник Чесноков, не особый любитель сценических эффектов.

Майор Помидоров вытащил из стопки последний листок, поправил очки, которые надевал только при чтении документов, сначала сам пробежал глазами по тексту, потом сказал нам:

– Если бы у них имелось что-то путное, то они сами работали бы. Это всего-то результаты биллинга. Из гор в село было несколько телефонных звонков. Лишние спецы из ФСБ метлой

отмели. Это те, которые были совершены с дороги. Так в ФСБ посчитали. Они проверили лишь некоторые звонки, но отмели много. Хотя номера и координаты абонентов нам оставили.

– А по какому принципу, товарищ майор, они отмели? – спросил капитан Редькин, человек, на мой взгляд, дотошный, но не мелочный, очень даже грамотный и весьма толковый.

– Ну, например. Ехал житель села из Махачкалы. Что-то случилось с машиной. Она встала на самом подъезде к селу, в двенадцати километрах от него, и никак не желала даже с горы катиться, колеса не крутились. Позвонил водитель своему другу в село, тот приехал на тракторе, взял машину на буксир и потащил ее с заклиненными колесами. После такой буксировки резину можно было на свалку выбрасывать, но машина в гараже оказалась. Хозяин счел, что это уже хорошо. Машина полноприводная. Порвало вал ШРУСа, поэтому колеса не крутились вообще. Можно было раздатку на нейтралку поставить, и все было бы нормально, не пришлось бы резину выбрасывать. Второй случай. Жена была на работе, когда мужу позвонили, и он к родителям в соседнее село поехал. Мать серьезно заболела. С дороги муж набрал номер жены, потому что раньше, из дома, дозвониться не смог. Вот принцип метлы ФСБ. Но при этом три звонка из общего числа они оставили на наше усмотрение. Два первых звонка были произведены из горного района, где нет дороги, причем из разных мест. Но номер не определен, поскольку он работает не через российских операторов. Такие звонки вычислить бывает сложно. Оба на один и тот же стационарный телефон – домой Абдул-Азизу Мухаметдинову, тому самому ветерану войны, деду Латифа Мухаметдинова. Звонки производились с разницей в две недели. О чем был разговор – неизвестно. Поздно хватились. Тогда еще банда в горах никак не засветилась, и прослушивать разговоры необходимости не возникало. Видимо, это время тоже не было потрачено бандитами впустую. Они наверняка занимались собственным обустройством. Скоро осень, за ней придет и зима. А она в этих местах даже для горного лыжника не всегда подарок. Готовиться к ней следует всерьез. Чуть позже с того же номера, уже с третьего места, но снова с гор, где дорог даже не предвидится, кто-то позвонил Шабкату Мухаметдинову, двоюродному брату эмира. Разговор был коротким, чуть больше минуты, но о чем говорили, нам опять неизвестно. Знаем только, что на следующий день Шабкат Мухаметдинов на служебном микроавтобусе выезжал в горы вместе с оператором своей съемочной группы. Судя по всему, был он где-то недалеко, потому что вернулся в пределах двух с половиной часов. Свидетели время не засекали, говорили навскидку. Куда он ездил, никому не известно. Осведомитель МВД пытался выяснить что-то и у самого Шабката, и у оператора, в ответ услышал только, что они снимали поблизости от села горные пейзажи, чтобы потом вмонтировать их в свой фильм. В ФСБ считают этот вариант вполне возможным, хотя есть вероятность связи между этой поездкой и звонком, предположительно от Латифа к брату. Допускается их встреча. Хотя это вовсе не обязательный факт, а только предположение.

– Систему СОРМ, товарищ майор, не подключали? – поинтересовался я.

Если кто не в курсе, что это такое, то я подскажу. Именно так называется система технических средств для обеспечения оперативно-разыскных мероприятий. К ней относится все, что связано с прослушиванием телефонных разговоров и контролем за интернет-трафиком.

Она была создана еще в советское время для нужд КГБ, изначально позволяла прослушивать только разговоры со стационарных телефонных номеров, впоследствии развивалась и трансформировалась. Появились системы, способные контролировать все средства связи. Официально использовать СОРМ разрешается только по решению суда или в связи с оперативной необходимостью.

– В настоящий момент документы для подключения СОРМ находятся в суде. В ФСБ ждут разрешения. Оно, видимо, будет дано только сегодня, во второй половине дня. Это в самом лучшем случае.

– Когда есть оперативная необходимость, сотрудники ФСБ действуют куда быстрее. Или если этих ребят сверху торопят.

– Кажется, в прошлом или в позапрошлом месяце их сильно взгрили за несанкционированное использование СОРМ. Теперь перестраховываются.

– А что там произошло, товарищ майор? – поинтересовался капитан Редькин.

– Офицер ФСБ решил жену проконтролировать. Прослушал ее разговоры, а потом застрелил вместе с любовником, помощником прокурора. Да ты, наверное, об этом и сам слышал.

– Слышал. Только про СОРМ упоминания не было.

– Тем не менее налицо грубейшее нарушение закона и опасное преступление. Все это с использованием служебного положения. Такие дела караются законом очень сурово. Даже строже, чем убийство в темном переулке ради грабежа. Сначала офицер ФСБ использовал СОРМ для прослушивания разговоров, потом со служебным удостоверением проник в здание прокуратуры, выбил ногой дверь кабинета, закрытого на ключ, и из табельного оружия застрелил свою жену и ее любовника. Для Кавказа это, может быть, и норма, но не с точки зрения закона. Многие высокопоставленные персоны по шапке получили. Хотя сняли тогда только заместителей прокурора и директора управления ФСБ. Остальные хватанули по выговору. Кому-то, кажется, дали неполное служебное соответствие.

– А нам данные СОРМ когда будут предоставлены? – спросил подполковник Чесноков, предпочитающий не погружаться в дебри местных семейных разборок.

– Я думаю, это и есть информационное обеспечение. Правда, я подготовил в черновике дополнительный запрос. Потом принесу вам, товарищ подполковник, на подпись. Там много вариантов. Требование на данные СОРМ в том числе.

– Что ты еще запрашиваешь?

– Беспилотники. Чтобы с большой высоты горы в районе начали контролировать. Как иначе до бандитов добраться, если мы не знаем, где они базируются?

– Если они на дорогу выходят, там их следует, мне кажется, и ловить, – высказал свое предположение капитан Редькин.

– Это будет делать МВД, – проговорил майор Помидоров. – Или Росгвардия. Они одним миром мазаны, из одного корыта едят.

– А что главное действующее лицо скажет? – спросил командир сводного отряда и посмотрел на меня.

– Подумать надо, товарищ подполковник, – осторожно заметил я. – Навскидку я ничего предложить не могу.

Чесноков положил руки на стол ладонями вниз, на манер примерного первоклассника, и подвел итоги нашего разговора:

– Короче говоря, так. Ты, старлей, продумай, что можно сделать в этой ситуации. Оперативный отдел разработает нам план реальных мероприятий, совместимый с соображениями МВД или Росгвардии, и доложит его через сутки. Да и взводу твоему отдохнуть надо, сил набраться. Значит, ровно через сутки собираемся здесь же, в том же огородном составе.

Естественно, командир отряда подполковник Чесноков не мог обойтись без своей обязательной шутки насчет огорода.

Мой взвод получил целые сутки на отдых. С одной стороны, это было хорошо и правильно. Отдых бойцам, естественно, требовался.

Но когда командование отряда принимало такое вот решение, оно не учло мнение командира взвода, то есть мое собственное. Именно я знаю своих бойцов несравненно лучше, нежели кто бы то ни было еще.

А мнение командира взвода было вот каким. Излишний отдых кошмарно утомляет солдат. Иногда дело доходит едва ли не до полной потери боевой готовности. Это я по собственному опыту, по ощущениям своего тела прекрасно знаю.

А суточный отдых – это очень тяжелое испытание. Я бы даже сказал, что результатом его может стать сильнейшее расслабление. Не только физическое, но и психологическое. Оно, на мой взгляд, даже страшнее, поскольку быстро сводит на нет всю боевую подготовку.

После такого долгого отдыха солдаты превратятся в вялых и ленивых бесхребетных амёб, мало пригодных для участия в боевых действиях. Этого я, человек ответственный, допускать не желал.

Поэтому расслабляться я своим парням не позволил. Когда решил, что взвод после двухсуточных боев отоспался и отдохнул, восстановил силы, поднял солдат и сам возглавил марш-бросок на десять километров, вдоль забора, окружавшего военный городок. Правда, согласно карте, длина периметра, обозначенного этой изгородью, составляет четырнадцать с половиной километров. А бежать нам приходилось по дороге, что в общей сложности добавляло еще около километра.

Но я не говорил этого своим солдатам. Ни к чему им думать о собственной подготовке лучше, чем она есть на самом деле. В реальности их возможности лишь соответствовали необходимости, не более того. Годового срока службы не хватает на полноценную качественную подготовку. Получить таковую могут только солдаты-контрактники.

Марш-бросок, как ему и полагается, выполнялся при полной выкладке. То есть в полном обмундировании, в бронежилете и в шлеме, с оружием в руках. На ногах не легкие кроссовки, а тяжелые берцы.

Разница между этим марш-броском и теми, которые мы проводили в расположении батальона, состояла только в том, что здесь, в Дагестане, магазины автоматов у бойцов были снаряжены патронами. А это дополнительные килограммы. Особенно для тех, у кого на автомате «АК-12» стоит не стандартный классический магазин на тридцать патронов, а четырехрядный на шестьдесят или барабанный на девяносто пять. А таких парней во взводе большинство.

Патроны всегда имеют свой собственный вес, пусть и не слишком осязаемый. Чтобы не так остро чувствовать его в бою, следует привыкать к нему на занятиях, добиваться того, чтобы во время бега он стал незаметным и привычным.

Кроме того, солдату стоит научиться по весу определять количество патронов в магазине, чтобы вовремя менять его в условиях реального боя. Для этого проводятся специальные тренировочные занятия. Они касаются и офицеров. Так, я, например, могу подсчитать патроны с точностью плюс-минус два. Есть специалисты, которые вообще не ошибаются на этот счет. Я не уверен в том, что они не считают патроны при стрельбе, но предпочитаю не занимать этим голову.

В условиях батальона марш-бросок обычно проводится сразу после общего подъема или даже до него. Мы же бежали среди бела дня, что выглядело непривычно для местных жителей, дома которых стояли поблизости от военного городка. Поэтому, когда мы летели по дороге вдоль забора, я видел, как переглядывались люди, идущие по улицам. Они наверняка думали, что где-то случилась беда и солдаты побежали туда.

Но нам до этих взглядов дела было мало. Мы просто тренировались.

Еще до марш-броска я через штаб запросил в автороте грузовик для выезда взвода на гарнизонное стрельбище. Машина была выделена нам сразу, как только мы вернулись.

Но сегодня я остановил грузовик за пять километров до конца поездки, приказал взводу выгружаться, а машину отправил к пункту назначения пустой, чтобы потом не возвращаться к ней на своих двоих, не терять драгоценное время. До стрельбища мы снова бежали.

Задумал я это умышленно. При стрельбе всегда очень важно задерживать дыхание, иначе ствол автомата будет гулять, не позволяя качественно прицеливаться. А дыхание после бега, да еще в таком темпе, который я изначально задал, даже у самого тренированного спортсмена не будет ровным и безмятежным.

Но практика показывает, что в бою солдатам обычно приходится стрелять сразу после перебежки или даже в ходе таковой. Я хотел потренировать бойцов взвода на стрельбу по мишеням именно в ходе передвижения. Причем не при короткой перебежке, а после преодоления относительно продолжительного участка. Такие ситуации в реальных боевых условиях встречаются сплошь и рядом. Солдаты должны быть готовы к ним.

Вообще-то, говоря честно, они и без дополнительных занятий были готовы, поскольку уже не раз отрабатывали такие методы стрельбы на батальонном полигоне. Я же исходил из того, что навыки такого рода никогда бывают лишними. В этом меня убеждала действительность, ход всех последних боев с участием моего взвода.

На стрельбище нас уже ждали. Комендант, старший прапорщик, заранее предупрежденный моим звонком, выставил мишени на все три отделения. Еще с дистанции я взмахом руки потребовал у коменданта освободить место. Он спрятался в свой блиндаж с наблюдательной стереотрубой. Мы начали стрельбу сразу после бега, одновременно тремя колоннами, выходя на позицию по отделениям.

Я сам при этом не стрелял, сразу нырнул в маленький блиндаж коменданта, чтобы в стереотрубу просмотреть результаты стрельбы.

– Вы внепланово прибыли, – сообщил мне старший прапорщик и глянул на часы. – Через десять минут спецназ Росгвардии приедет. Вы к тому моменту закончите?

– Закончим за пять минут. Я дал приказ отстрелять только по одному стандартному магазину. Тридцать выстрелов.

– Это десять очередей. – Старший прапорщик никак не мог привыкнуть, что в спецназе ГРУ принято давать очереди не по три, а по два патрона.

– Это по нашей норме будет пятнадцать очередей.

Я осматривал мишени в стереотрубу и довольно хмыкал. Солдаты мои стреляли очень хорошо. Бег и учащенное дыхание не помешали им. В реальном бою наш противник был бы уже уничтожен. Восьмисот с лишним патронов при такой точности стрельбы вполне хватило бы на то, чтобы положить любую, даже самую многочисленную банду.

Как раз в момент осмотра мишеней я услышал шум двигателей. Наша машина приехала раньше и стояла в стороне, на площадке, отведенной для транспорта. К ней подъезжали два грузовика, как я определил по звуку двигателей. Значит, раньше времени прибыл спецназ Росгвардии.

Но в оставшиеся четыре минуты нам никто не помешал. Росгвардейцы построились на автомобильной стоянке и терпеливо ждали, когда мы завершим занятия.

Мы быстро закончили их, отстреляли, как и намеревались, по стандартному магазину. Я дал отмашку замкомвзвода старшему сержанту Коле Сметанину, чтобы он построил бойцов и выводил их к машине по стационарной бетонной дорожке, выходящей между насыпными холмами, имитирующими естественные преграды, а сам направился на автомобильную площадку прямым путем, через эти самые кучугуры.

– Здравия желаю, товарищ майор! – поприветствовал я командира отряда спецназа Росгвардии. – Старший лейтенант Трилуков, командир взвода спецназа ГРУ. Мы отстрелялись. Можете выходить на позицию.

На стрельбище прибыли два взвода наших смежников. Майор махнул рукой капитану, приехавшему с ним, и тот повел людей на позицию для стрельбы. Причем не на ту, где только что отстрелялся мой взвод, а по крайней правой дорожке, еще не до конца забетонированной.

Видимо, им следовало выполнять другое задание. В той стороне, насколько я знал, недавно начался монтаж механического приспособления для передвижения мишеней в горизонтальной плоскости от одной бетонной плиты до другой. Своего рода имитация перебежек. И даже мишени в виде согнутых бегущих фигур уже были готовы.

Наверное, монтаж уже был закончен, и спецназ Росгвардии будет опробовать новый участок стрельбища. Жалко, что я не знал о его готовности. Иначе выпросил бы время, чтобы потренировать взвод там.

Вообще-то, это стрельбище официально считалось армейским. У МВД республики существовало свое, используемое совместно с управлением ФСБ. А Росгвардия, насколько я понимаю, формировалась за счет соединений и подразделений как раз МВД. Значит, ей следовало бы на свое стрельбище ездить.

Как я понял, спецназ Росгвардии готовился к проведению какой-то конкретной операции. Именно потому командиры привезли бойцов на новый участок армейского стрельбища. Но это был только логический вывод военного разведчика, который требовал подтверждения.

Поэтому я прямо спросил:

– К конкретной операции готовитесь, товарищ майор?

Он недовольно пошевелил губами и проговорил:

– Операция-то конкретная, только вот в наших действиях пока ничего подобного не предвидится. Противник вполне реальный, а вот как его найти, нам никто не скажет.

Мне было понятно, что майор не станет откровенничать с незнакомым ему офицером, пусть тот даже и служит в спецназе ГРУ, то есть занят выполнением схожих задач. Поэтому я не настаивал на прояснении данного вопроса.

Глава четвертая

Старый Абдул-Азиз вернулся на кухню через минуту. Как и большинство мужчин, он не любил долгих телефонных разговоров даже с младшим внуком, которого не видел уже много лет. У деда было множество вопросов к нему, но он не желал уподобляться любопытным женщинам.

На кухне он сразу сказал старшему внуку:

– Иди, поговори с Латифом. Он ждет.

Шабкат поставил чашку с чаем на стол, расплескав немного, и торопливо ушел в комнату.

Абдул-Азиз сам говорил излишне громко и часто не слышал все чужие слова, особенно издалека. Поэтому ему показалось даже, что его внуки между собой почти не разговаривали.

Шабкат быстро вернулся на кухню и ничего деду не сказал, хотя не мог не видеть, с каким нетерпением тот ждал его слов.

В конце концов Абдул-Азиз не выдержал. Ему по возрасту уже давно можно было проявлять нетерпение. Оно не выглядело тем самым женским любопытством, демонстрировать которое он не желал.

– И что тебе брат сказал? – осведомился старик.

Шабкат скривил лицо, но все же ответил:

– Он записал мой телефон. Завтра позвонит и назначит мне встречу.

– Встречу? – удивился и возмутился старик. – А со мной повидаться он не желает? В родной дом зайти совсем не хочет?

– Дедушка, о встрече попросил я. Она должна быть не простая. Я приеду на нее с оператором и возьму у брата интервью. Мне следует заранее подготовить вопросы, которые я буду задавать. Когда Латиф позвонит, я передам их ему. Он заранее продумает ответы на них, чтобы не было потери времени при самой съемке. Если какой-то вопрос ему не понравится и Латиф не захочет на него отвечать, то он скажет мне об этом. Я его задавать не буду. Представляешь, дедушка, какая это будет бомба! Такое интервью станет сенсацией года! Интервью в горах у эмира боевиков. Я утру нос всем своим недоброжелателям. А их у меня хватает. Одни в Сирию летают, привозят оттуда репортажи из-под минометного обстрела. Другие в Ираке ищут сюжет, третьи из Донбасса не выбирают. А я прямо здесь, под боком у того человека, который наводит страх на целый район Дагестана. Такого на нашем телевидении с конца прошлого века не было, с чеченских войн!

– Это Латиф наводит страх на целый район Дагестана? – удивился старик. – Я в первый раз слышу, что мой внук кого-то пугает.

Шабкат обреченно махнул рукой.

Он наконец-то решился сообщить деду то, о чем раньше говорить стеснялся:

– Тебя уважают, поэтому не говорят ничего. Другому человеку сельчане уже давно высказали бы претензии. Со мной они не молчат, так и делают.

– Кто именно и что тебе высказывал? – строго, но сдержанно спросил Абдул-Азиз, убирая медали со стола в коробку.

Он собирался вытащить их оттуда и повесить на свою старую гимнастерку с погонами младшего лейтенанта только в праздничный день.

– Да хотя бы жена Нияза Рамазанова не молчала, когда я в магазин заходил. Она даже проклинала Латифа, да и меня заодно. Другие люди за спиной шептались. Я же не глухой, все слышал.

– А я вот глуховат стал, – признался вдруг дед, сел и опустил голову. – Может, и у меня за спиной люди шепчутся, хотят, чтобы я что-то предпринял. А что я могу сделать? Он же мне

родной внук! Сын моего сына! Не могу же я его прогнать, сказать уходи, мол, Латиф, в другой район. Ведь там тоже люди живут, точно такие же, как мы.

Сел на свое место и Шабкат.

Сначала он молча смотрел, как изменилось и резко постарело лицо деда, как потускнели и замутнели его глаза, смотрящие в стену перед собой, потом все же сказал:

– Дедушка, у тебя есть другой внук, старший. У тебя есть я, правнуки и правнучки. Все мы тебя любим. Ты не расстраивайся так из-за Латифа. Он давно отрезанный ломоть, уже много лет живет сам по себе, ни с кем из нас не считаясь. Ему наплевать, что у меня и у тебя за спиной говорят люди. Латиф всегда думал только о себе и сейчас поступает точно так же. Не стоит он того, чтобы ты за него так переживал!

Старый Абдул-Азиз встал, расправил плечи, даже ростом стал выше.

– Нет, Шабкат, – заявил он. – Ты мыслишь неправильно. Мне трудно тебе объяснить, но я попробую. Только говорить начну издалека, из своего детства. Я еще совсем мальчишкой был, когда мой отец держал во дворе трех собак, хороших, настоящих кавказских овчарок. Две собаки, помню, были нормальные, хотя и не сказать, что ласковые. Собаки в наших горах вообще, как ты знаешь, крайне редко бывают ласковыми. Так вот, две собаки у отца были нормальными, уважали людей, без дела ни на кого не бросались. А один кобель оказался просто совершенно неуправляемым. Он был самым красивым из всех трех, очень ласковым и игривым. Но всем нам никогда не было понятно, как он себя поведет в той или иной ситуации. Однажды этот пес покусал маму только за то, что она муху у него со спины согнала. Потом меня сильно порвал. Если бы отца не оказалось дома, мог бы и загрызть до смерти. Отца он послушался, отпустил меня. А потом и на него напал, потому что тот не дал ему подражаться с чужой собакой. В тот первый раз отец только одним взглядом победил его. Он сунул руку кобелю в пасть, разрешил грызть ее, а сам ему в глаза смотрел. Пес этого взгляда не выдержал, поджал хвост, отступил и убрался в конуру. Но через какое-то время он снова напал на отца. К нам тогда чужой человек в гости пришел, и отец хотел всех собак на цепи посадить. Кобель на папу напал. Не захотел на цепь садиться. Он тогда папе обе руки сломал, такие челюсти были сильные. Не давал в дом уйти, не отпускал. Тогда уже мама ружье вынесла. Кобель словно все сразу понял, ушел и лег спокойно около своей будки. У нас тогда три конуры во дворе стояли. У каждой собаки своя была. Отец этого кобеля застрелил даже со сломанными руками. А потом, уже ночью, я слышал, как он сидел на кухне и плакал. Я подошел к нему, сильно удивленный, потому что даже не представлял себе, как взрослый мужчина может плакать. Отец сказал мне, что все три собаки для него были как дети. Двое нормальных, а один – трудный ребенок. Но именно таких детей родители всегда любят больше, потому что вкладывают в них больше сердца, пытаются исправить. А тут пришлось этого трудного ребенка убить. «Но если бы я не пристрелил его сегодня, то завтра или послезавтра он разорвал бы меня», – сказал мне тогда отец. – Старик помолчал, потом налил себе чаю в чашку внука, выпил его одним глотком и продолжил: – Вот ты, Шабкат, вполне нормальный, даже очень хороший внук. А Латиф – трудный. В него, ты уж извини, больше сердца вложено. Это потому, что я о нем всегда больше думал, беспокоился за него. За тебя мне волноваться не приходилось. Ты всегда с головой дружил, знал, чего хочешь, и добивался своего. А Латиф с самого детства желал именно того, что ему дано не было. Только власти и ничего больше. Остальное его очень мало интересовало. А власть над чем или кем – это ему тоже было не важно. В раннем детстве он хотел командовать сверстниками, потом – всеми людьми, окружающими его, знакомыми и совсем чужими. Латиф не терпел, когда кто-то имел власть и пытался им командовать. И вот до чего это его довело. Просто так власть тоже в руки не дается. Обычно ее заслужить нужно. Латиф желает просто прийти и взять ее, но ничего из этого не получится. Он может получить власть только тогда, когда люди будут его бояться. А власть страха, она ведь всегда ненадежная, не имеющая уважения. Он вернулся в наши горы не один. Те бандиты, которые пришли с ним, наверное,

признают его власть. Я не могу знать, как они относятся к Латифу, но жители нашего села его боятся. Латиф питается этим их страхом, чувствует свою власть. Поэтому я думаю, что он не уйдет отсюда, пока его не убьют.

– Убить его сложно, – задумчиво произнес Шабкат. – Он очень осторожен. Латиф даже мне свой телефон не оставил, только мой номер спросил. Я даже уверен, что звонить он будет не со своего аппарата. Не захочет номер показать.

Дед вроде не слышал, о чем говорит старший внук.

– Люди не могут жить в постоянном страхе. Если Латиф придет в село, то его здесь и убьют, чтобы прикончить свой собственный страх, – проговорил Абдул-Азиз.

– Не решатся, – сказал Шабкат. – Страх не позволит им это сделать.

– Я решусь. Я бояться не умею, – сказал вдруг дед, встал и двинулся в свою комнату.

Но он прошагал только половину длинного коридора, вернулся, взял со стола коробку с начищенными медалями и ушел снова.

Утром ни Абдул-Азиз, ни Шабкат ни единым словом не поминали ночной разговор на кухне. Они по крайней мере не говорили о нем вслух. Но дед и внук старались не смотреть один другому в глаза, словно оба в чем-то провинились. Следовательно, то, что было сказано вчера, запало в голову и тому, и другому. В остальном их поведение ничем не отличалось от обычного. Никто не подумал бы, что ночью на кухне состоялся серьезный разговор и дедом было высказано такое вот обещание.

Но Шабкат очень хорошо знал, что старый Абдул-Азиз не умел говорить просто так, как это делают многие люди, особенно в возбуждении, только потому, что имеют во рту язык. Если он что-то обещал, то всегда это делал. Шабкат боялся и за деда, и за брата, хотя его выбор при этом оказался однозначным. Внук готов был помогать Абдул-Азизу по мере своих сил. Но тот об этом ни разу не просил. Шабкату, хорошо знающему характер своего деда, было не сложно предугадать, как тот воспримет предложение.

Да и вообще в доме не было людей, которые могли бы обратить внимание на какие-то странности во взаимоотношениях внука и деда. Кроме них двоих тут располагалась еще небольшая съемочная группа, которая приехала в село вместе с Мухаметдиновым-младшим.

Эти люди больше с удивлением смотрели по сторонам. Они впервые попали в такое непривычное для себя место, обитатели которого придерживаются других обычаев, иначе себя ведут и вообще живут на основе иных ценностей, нежели москвичи.

Шабкат, руководитель группы, настоятельно не рекомендовал своим подчиненным соваться в какие-нибудь местные дела. Он вообще советовал им даже разговор с местными жителями поддерживать на уровне нескольких простейших фраз. Поздороваться, пожелать всего хорошего и попрощаться.

Сам он с утра, как и всегда, засел за свой ноутбук, набрал какой-то текст, потом распечатал его на мобильном принтере, свернул листы бумаги вчетверо и убрал в карман. При этом Шабкат никому не докладывал, что он делает.

После этого руководитель группы и оператор отправились в дом старика-фронтовика, Героя Советского Союза Амин-Султана Муслимова, о котором и делали фильм. Этим утром, как и в минувшие дни, телевизионщики снимали в доме и во дворе героя бытовые сцены. Так было задумано изначально.

Гримера, молодую и очень болтливую девушку Риту, они с собой уже не брали, поскольку сам Амин-Султан категорически отказался прихорашиваться перед съемками.

– Какой я есть, таким буду жить, да и умру, – заявил он, рукой отстраняя от лица кисточку с гримом. – Не надо меня приукрашивать. Я не женщина.

Шабкат очень старался уговорить Муслимова, но безуспешно. В конце концов они решили снимать героя таким, каков он есть. Хотя предсказуема была реакция редактора, кото-

рый сидел в Москве, не понимал менталитета мужчины гор и обязательно должен был высказать свое неудовольствие по этому поводу.

Поэтому гример съемочной группы была свободна.

Звукооператора Кирилла в длительные командировки Шабкат обычно с собой не брал никогда. Но в этот раз тот так просился, горел желанием посмотреть на Кавказ, где никогда в жизни не был, что устоять было трудно. Шабкат взял его с собой, хотя с техникой отлично справлялся и сам. Поэтому звукооператор, которого в группе традиционно звали радистом, тоже на съемки не поехал. Он только технику приготовил и потом должен был очистить запись от посторонних шумов на своем ноутбуке.

Подошла к концу работа во дворе у Амин-Султана. Старик с искренней радостью рассказал московским гостям, что он до сих пор любит колоть дрова и чувствует себя после этого полным энергии. Такая работа была для старика вовсе не тяжелой обязанностью, а своего рода возвращением в те годы, когда он был молодым и сильным.

Ему удавалось вернуть себе хотя бы кусочек молодости. Это обстоятельство радовало Амин-Султана как ребенка, совершившего взрослый поступок. Оно заставляло его довольно улыбаться.

Как только москвичи сели в свой редакционный микроавтобус, на котором и приехали в Дагестан, двоюродному брату позвонил Латиф. Микроавтобус еще не успел тронуться. Шабкат повернул ключ, выключил двигатель.

– Здравствуй, брат. Рад тебя слышать, – сказал Латиф, в голосе которого как-то не чувствовалось большой радости.

Шабкату показалось, что минувшей ночью тот разговаривал с ним куда более приветливо. Но он был опытным журналистом и очень хорошо понимал, что вокруг каждого человека постоянно происходит множество различных событий. Они влияют на наш внутренний мир, даже на голос, делают его из приветливого раздраженным, или наоборот. Потому на тоне приветствия старший внук Абдул-Азиза заикливаться не стал.

– Здравствуй, Латиф! – Шабкат старался говорить как можно мягче, душевнее, но из его головы никак не выходили слова деда: «Я решусь».

Они стали своеобразным барьером, переступить через который старшему брату было трудно, хотя он и старался. При этом ему казалось, что он в данный момент в какой-то степени предает брата, не предупреждая того о решении деда. Но если бы он поступил так, то предал бы деда.

Шабкат давно уже решил, на чьей стороне он сам должен оказаться. С Латифом ему было не по пути. Тот самым фактом своего существования мешал старшему брату делать карьеру, просто жить.

И не Шабкату было разрешать эту проблему. У него не доставало и сил, и характера на то, чтобы взять ее решение на себя. Когда ночью он говорил деду, что никто в селе не решится поднять руку на Латифа, то в первую очередь имел в виду себя, по собственным меркам оценивал и всех остальных людей.

Старый Абдул-Азиз, похоже, все понял. У деда хватило характера на то, чтобы решиться. Теперь он уже пойдет до конца. Никто не сможет остановить его. Это решение принимал не дряхлый старик, а воин, ветеран великой войны. В нем жила та самая сила духа, которая когда-то поднимала солдат из окопа в атаку, бросала их на вражеские пулеметы.

– Ты подготовил мне вопросы на завтра?

– Значит, ты назначаешь мне встречу на этот день? – уточнил старший брат, потому что раньше Латиф просто пообещал выбрать время.

– Скорее всего. Если что-то изменится, я позвоню, предупрежу. В десять утра – ровно в десять, минута в минуту! – выезжай по дороге на Махачкалу. Твою машину остановят два или три человека с оружием. Не пугайся. Тормози. Ни тебя, ни твоего оператора они не тронут.

Назовут твое имя. Ты в ответ скажешь мое. Это будет паролем. И все. Вас отведут ко мне. Я буду недалеко. Там и поговорим. Но заранее о нашей встрече никто знать не должен. Я тебе, по сути дела, доверяю жизни всех своих братьев по оружию. Не только свою собственную. Я знаю, что ты не обманешь, не устроишь нам ловушку.

– Я поеду на редакционном микроавтобусе. Белый «Фольксваген» с московским номером.

– Мне известно, на чем ты едешь. Знаю номер. Запомни главное! Никто не должен знать о предстоящем свидании. Это вопрос безопасности моего джамаата, – резко проговорил Латиф.

Его информированность в таких мелочах, как номер машины, не особенно удивила Шабката. Тот понимал, что в селе у брата должен быть свой человек, который все ему докладывает. Даже тележурналист, далекий от всех подобных дел, никогда не служивший в армии, понимал, что иначе банде в горах не выжить.

– Можешь не сомневаться, Латиф. Ты же мой единственный брат. – Произнося эти слова, Шабкат опять чувствовал себя предателем.

Это было неприятное ощущение, больно бьющее по мужскому самолюбию. Но когда выбор встал между двоюродным братом и дедом, он однозначно и без сомнений занял сторону Абдул-Азиза. Тем можно было только гордиться, а Латифа стоило стыдиться.

– Вопросы!.. – напомнил тот.

Шабкат вытащил из кармана листы, распечатанные утром, и продиктовал брату вопросы. Это продолжалось долго. Латиф, похоже, записывал.

– Хорошо. Я подготовлюсь к разговору, – сказал он. – Только сразу хочу предупредить, что на большинство твоих вопросов отвечать не буду. Просто из соображений безопасности своего джамаата и людей, которые мне доверились. Кстати, о безопасности. Твой оператор, надеюсь, еще не в курсе наших дел? Я про встречу говорю.

– Как ты и просил, он узнает о том, куда мы едем, только по пути, – ответил Шабкат и посмотрел на оператора, сидящего рядом.

Тот не знал аварского языка, на котором разговаривали братья, и скучно позевывал. Он даже ни разу не заглянул в список вопросов, которые Шабкат переводил на аварский, хотя набраны они были на русском языке.

Оператор Анатолий был старинным другом Шабката Мухаметдинова. Они начинали работать на телевидении примерно в одно время, были добрыми приятелями. Его взгляд на странички, которые Шабкат держал перед собой, на руле микроавтобуса, не выглядел бы бестактным. Между настоящими друзьями такое вполне допустимо.

– Ты со своего телефона звонишь? Номер можно использовать, если понадобишься? Или с чужого? – спросил Шабкат.

Латиф молчал примерно минуту, потом сказал еще более сдержанно и сухо, чем говорил раньше:

– Это не важно, чей телефон. Мне лучше не звонить. Запомни это. Только в самом крайнем случае. Лучше вообще забудь этот номер, сотри его из памяти аппарата. Просто удали, да и все. Чтобы никогда соблазна не возникало. Мало ли в чьи руки может попасть твой мобильник. Телефонный код Саудовской Аравии сразу привлечет ненужное внимание. А если его увидят менты, то это сразу вызовет у них подозрение. И падет оно в первую очередь на тебя. Ты получишь серьезные неприятности типа запрета на выезд за границу, недоверия со стороны начальства и пристального внимания к твоей особе со стороны ФСБ. Тебе, я думаю, все это не слишком интересно.

– Не переживай. Телефон я никому не доверяю. Он у меня уже шесть лет. А я сам не буду тебе надоедать. И дед не станет. Ты же знаешь его. Он долгих и частых разговоров не

любит, тем более телефонных. А номер я оставляю. Вдруг сгодится. Дед уже старый. С ним всякое может случиться, а он не за себя, а за тебя волнуется.

На этом разговор и прекратился. Первым отключил связь младший брат. Латиф, как и их дед Абдул-Азиз, не любил долгих телефонных разговоров.

Впрочем, как помнил Шабкат, он вообще подолгу не разговаривал с людьми даже с глазу на глаз. Тоже как дед. Латиф предпочитал несуетливую конкретику. Если есть что сказать, он проговорит и собеседника выслушает, но не более. Это качество характера было одним из немногих, которые перешли к внуку по наследству от деда.

Сам же Шабкат в силу профессиональной привычки умел разговаривать подолгу, даже если беседа шла совершенно ни о чем. Иногда ему приходилось говорить одно, а думать при этом совсем иначе.

Под вечер Шабкат предупредил оператора Анатолия:

– Через полчаса выезжаем в горы. Будем пейзажи снимать. Общие планы нам понадобятся при монтаже. Возьми несколько карт памяти. Много снимем. С прицелом на будущие фильмы и для редакционного архива. Выезжаем ровно в десять. Будь готов.

Впрочем, собраться Анатолий мог и за пять секунд. Он всегда был легким на подъем и никогда не заставлял себя ждать.

Выехали они с непривычной для журналистов пунктуальностью, ровно в десять, минута в минуту, хоть часы сверяй. За рулем, как обычно, сидел сам Шабкат. Он всегда чувствовал какое-то легкое беспокойство, если машину вел кто-то другой, и предпочитал сам крутить баранку.

Никто против этого не возражал, поскольку Шабкат и в самом деле был отличным водителем. Он будто чувствовал машину во время движения, сам являлся ее составной частью.

Сразу после выезда из села дорога резко полезла в гору, на ближайший перевал, самый невысокий в этой местности, естественно, не напрямую, а через серпантин, выющийся среди крупных скал. Когда дорогу строили, часть скал взорвали и громадные каменные глыбы скатились вниз. Те из них, которые мешали дальше прокладывать дорогу, были взорваны еще раз, раздроблены на щебень, который в дорожном строительстве всегда в ходу, или же сброшены дальше и ниже.

В те времена Шабката еще не было на свете. Он родился позже, но помнил разговоры о том, как грохотали при строительстве взрывы. Случалось, что осколки камней долетали до ближайших дворов села. Даже довольно крупные.

В одном дворе такой вот массивный камушек проломил крышу сарая и сломал рог козе. Крышу восстановили дорожные рабочие, а коза, как люди говорили, была старая и дожила свой век без одного рога.

Шабкат это все вспомнил и даже рассказал эту историю Анатолию. Они вместе посмеялись и слегка удивились тому обстоятельству, что дорожные рабочие добровольно отремонтировали крышу сарая, проломленную камнем.

– Сейчас такое дело даже через суд нельзя было бы решить, – заявил Анатолий. – Там сказали бы, что сами виноваты, нарочно подставили сарай и козу, хотели на этом нажиться. Вот и все.

Шабкат согласно кивнул. Он имел доступ к самой разной информации, хорошо понимал разницу двух эпох и видел ее наглядно, хотя в прежнее время не жил. Как тогда обстояли дела, Шабкат слышал только от старших.

Но для него, выросшего на Кавказе, голос старших всегда имел куда большее значение, чем для того же оператора Анатолия. Тот сам не раз говорил, что ему во многом претили обычаи, принятые на Кавказе.

Это был давний разговор представителей двух менталитетов. Ни один из них не мог убедить другого в правильности своего мнения. Оба старались лишней раз не ввязываться в этот разговор, если только обстоятельства не толкали их к этому. Так было проще сосуществовать.

Дизель «Фольксвагена» деловито урчал на подъемах. Микроавтобус одну за другой преодолевал ветви горного серпантина.

На самом перевале Шабкат поднял все стекла. Летнее солнце уже склонялось к закату, но еще светило вовсю. Однако тут, на перевале, гулял довольно холодный верховой ветер.

Спуск с перевала больше чем наполовину состоял из точно такого же серпантина, как и на подъеме. Но надежные тормоза позволяли водителю не опасаться, что машина покатится под гору сама собой.

Однако дальше, когда серпантин кончился, дорога пошла прямо вдоль крутой стены. Слева от нее зияла пропасть, видимая через полосу встречного движения только водителем, но не пугающая пассажира, сидящего справа.

Однако вертикальная стена, подпирающая небо справа от него, вызывала уважение у Анатолия.

Он даже спросил:

– Может, дорогу снимем? Она очень даже впечатляет.

Он все еще считал, что они едут снимать горы, окружающие село. Шабкат пока не стал говорить ему, что цель их поездки совсем иная.

– Успеешь еще все снять, – заявил он. – Хотя бы на обратном пути, если место останется и не стемнеет.

Но Анатолий был уверен в том, что места хватит. Он захватил с собой три карты памяти вместо обычных двух. На каждой из них мог быть записан почти двухчасовой сюжет.

Глава пятая

Взвод под командованием старшего сержанта Сметанина уже загрузился в машину. Майор Росгвардии кивнул мне на прощание и торопливо ушел догонять своих бойцов.

По правде говоря, мне было бы очень даже интересно посмотреть новый механизированный участок стрельбища, по крайней мере узнать, как он функционирует, но я не хотел заставлять взвод ждать себя. Да и не пригласил меня никто.

Кроме того, сами росгвардейцы могли бы понять мое любопытство неправильно, подумать, что я хочу оценить их навыки стрельбы. А уж в том, что оценка моя будет критической, я нисколько не сомневался. Объективно говоря, школы стрельбы у нас с ними разного уровня. Наших солдат обучают лучшие армейские специалисты, а их – тот офицер, которого командование назначит. Оно запросто может поставить на это место любого человека, свободного от других дел. Даже если он, посмею допустить, никогда в жизни не стрелял, не имеет не только боевого опыта, но и теоретической подготовки, без которой тут тоже не обойтись.

Потому я прошел к грузовику, сел на свое место и приказал водителю ехать в казарму.

Едва мы въехали в ворота военного городка, как мне на сотовый телефон позвонил начальник отрядного оперативного отдела капитан Редькин.

– Артем Борисович, ты как, свободен в данный момент? Зайти можешь? – осведомился он.

– Возвращаюсь со взводом с учебных стрельб. Уже въехали в городок. Буду через пять минут, товарищ капитан.

– Давай, я жду.

Водитель поглядывал на меня. Мол, не прикажете ли притормозить прямо сейчас, товарищ старший лейтенант? Но я не останавливал машину до самой казармы. Там дал команду старшему сержанту Сметанину вести взвод в расположение и заняться чисткой оружия, отпустил машину, а сам пешком направился в штаб.

Оперативный отдел находился на втором этаже, куда я поднялся, шагая через две ступени. После стука в дверь и традиционного приглашения я вошел в кабинет. Там сидели три офицера-оперативника. Каждый из них смотрел на свой монитор.

– Присаживайся, Артем Борисович, – заявил капитан Редькин, показал на стул рядом со своим столом и продолжил: – Командир дал нам на проработку действий только сутки. У тебя мысли какие-то появились?

– Пока всерьез ничего не обдумывал. Только на ходу, в кабине грузовика.

– И что тебе грузовик подсказал? Или ты с самим водителем советовался?

– Грузовик настоятельно рекомендовал мне дожидаться сообщения о возможности использования беспилотников. Без разведданных в горы лучше не соваться. Это я по своему опыту отлично знаю. Измучаешь людей и никого не найдешь. А бандиты тем временем могут на любое село напасть.

– Могут и на взвод засаду выставить, – из-за стола под окном подсказал капитан Чохашвили. – В этом тоже очень мало приятного.

– Это был бы лучший для нас вариант, – не согласился я. – Такой ход событий означал бы, что бандиты сконцентрировали все свои силы в одном месте. Там их и можно уничтожить.

– Довольно самоуверенное заявление, – сказал Чохашвили и покачал головой. – Засады делать они обучены. Как правило, после первого бандитского удара федеральные подразделения теряют боеспособность процентов на сорок. Дальнейший ход боя зависит уже от командира и от уровня подготовки самого подразделения. Бывает, что мы уничтожаем бандитов, хотя и со своими значительными потерями. В другой раз именно бандиты оказываются победителями.

– Вот именно! – заявил я. – Итог боя зависит от командира подразделения и от уровня подготовки его солдат. Командир обязан видеть любое опасное место, где можно устроить засаду. Он должен принять превентивные меры, обеспечивающие безопасность личного состава.

– Какие именно меры? – спросил капитан Чохашвили.

Он всегда был только штабным офицером. Сразу после училища попал в оперативный отдел, умел хорошо просчитывать все теоретические варианты развития тех или иных событий, но ничего не знал про реальную ударную силу взвода спецназа, не мог оценить уровень его подготовки так, как это делали мы, линейные офицеры. Поэтому капитан Чохашвили не представлял, что я в состоянии сделать в засаде и против таковой.

– Например, при входе в ущелье хорошенько обстрелять из крупнокалиберного пулемета все кусты и пространство под скалами. Пулемет «Корд» у меня во взводе имеется. Есть даже великолепный, я бы сказал, пулеметчик. Он из «Корда» не только со станка стреляет, но даже и с пояса. А это доступно одному человеку из тысячи.

Мой пулеметчик рядовой контрактной службы Юра Веселов и в самом деле имел мощные и сильные, что называется, железные руки. Они позволяли ему справиться с тяжелым пулеметом и с его жесточайшей отдачей без видимых усилий.

Но моя похвала пулеметчику капитана Чохашвили не впечатлила.

– А если они на самом верху засаду устроят? В том месте, которое недоступно для штурма? – не унимался капитан, не знающий элементарных принципов передвижения наземных подразделений.

– А на этот случай у меня во взводе есть три снайпера с винтовками, имеющими тепловизионный прицел. Пусть бандиты сидят где угодно, в низинах или на скалах. При этом их тела выделяют тепло. Нагретый воздух имеет характерную способность подниматься вверх, и прицел это определит. Мне останется только вызвать авиацию. Ее атака окажется роковой для бандитов, забравшихся на скалы и угодивших в ловушку. Влезть туда не просто. Еще сложнее быстро спуститься. При атаке с воздуха такой номер мало у кого получается. Бандиты это знают. Поэтому, находясь в здравом уме, на высокие скалы ни за что не полезут. Они тоже понимают, что нашей вертушке до них лететь недолго.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.